

— Вне покоев не спеши, в залу входя — шагу не ускоряй, яшму держа — не беги... В палатах ступай след в след, подле палат — шагай шире... Ой-ой-ой! Пощадите, полегче!

В шестом же часа Мао, на самом рассвете, Гу Сяодун лежал ничком на бамбуковой кушетке в тихой комнате для практик. Он то и дело запинаясь, силился припомнить строки из «Лицзи», а в глазах его дрожали крупные слезы.

Ложу из бамбука больше напоминало решетку для жарки птицы. По обе стороны стояли двое дюжих наставников — мастеров закалки тела. Один мертвой хваткой прижимал мальчишку к постели, другой, ухватив за руки, со знанием дела, дюйм за дюймом растягивал его суставы.

Процедура эта звалась «вытяжением костей» — название говорило само за себя. Считалось, что если тянуть усердно, то и рост пойдет в гору.

Да только боль при этом была невыносимой.

— Потерпите немного, и все пройдет, — Управляющий Чжу опустился на одно колено перед кушеткой и бережно отер холодный пот, крупными каплями выступивший на лице Гу Сяодуна. — Вы слишком малы для своих лет. Сейчас мы с помощью внешней силы помогаем вашему телу вытянуться, иначе так и останетесь недоростком. Придется терпеть это каждое утро по половине шичэня. Через полгода закончим. Шесть месяцев пролетят незаметно, будьте мужественны.

Услышав, что эта душераздирающая пытка растянется на целых полгода, Гу Сяодун едва не лишился чувств от ужаса.

— Пощадите! Брат Чжу, умоляю, сжальтесь, не надо больше! Мне вовсе не обязательно быть высоким, я согласен остаться коротышкой, честное слово!..

Мастера тем временем перешли к его ногам. Раздался новый отчаянный вопль. Гу Сяодуну казалось, что его суставы с сухим треском расходятся в пазах.

Он отчаянно забился на кушетке, брызжа слезами во все стороны — пара капель даже долетела до лица Чжу Ми, но тот и бровью не повел, оставаясь безучастным.

— Простите, молодой господин, но вы не можете отказаться. На то была воля самого князя и княгини. Вините во всем того простолюдина, что приютил вас. Он явно жалел для вас еды, отчего ваше тело не получило должного ухода и выросло столь хрупким и невзрачным.

Гу Сяодун действительно уступал в росте сверстникам, но дело было вовсе не в скудном пропитании. Сколько он себя помнил, голодать ему не приходилось. Своей тщедушностью он обязан был тому, что до семи лет его растили как «целебного человека» — держали в чане с лекарствами и почти не давали ходить.

Заливаясь слезами от боли, мальчик все же нашел в себе силы возразить:

— Все не так! Не выдумывай! Я маленький совсем по другой причине, приемный отец меня не обделял! Говорят же, что растущий малец готов отца родного объесть... Но приемный отец скорее сам бы остался голодным, чем недодал мне! Он никогда не обижал меня, даже голоса ни разу не повысил! Он был так добр ко мне...

Чжу Ми лишь покачал головой. По его мнению, Гу Сяодун в точности подходил под поговорку о глупце, который помогает разбойнику считать вырученные за себя же деньги.

Поняв, что сопротивление бесполезно, Сяодун смирился со своей участью. Под глухой хруст собственных костей он, всхлиывая и утирая слезы, принялся бормотать зазубренные правила, пытаясь отвлечься от боли:

— В покаях не размахивай руками, сидя рядом с другими — не расставляй локти. Принимая дар от стоящего — не преклоняй колен, принимая от сидящего — не поднимайся на ноги...

Вид у него был по-настоящему жалкий.

Кое-как перетерпев этот получасовой кошмар, он распластался на бамбуке безвольной тряпицей.

— Наконец-то... конец... у-у-у...

Рано радовался. Не успели мастера закалки тела покинуть комнату, как им на смену явились четверо учителей танцев.

Мальчика тут же вздернули на ноги, заставляя делать растяжку и прогибаться в поясе — наставники ковали железо, пока горячо, развивая гибкость суставов.

Гу Сяодун зашелся в рыданиях:

— Да за что?! Я понимаю, вытяжение костей — это чтобы подрасти... Но танцы-то мне зачем?! Ладно, пусть я обязан расти, но неужели я не могу обойтись без этих плясок?!

Чжу Ми стоял в стороне, спрятав руки в широкие рукава. От непрекращающегося плача у него уже слегка звенело в ушах.

— Вы обязаны учиться. Искусство танца входит в число обязательных светских приличий. Все благородные юноши и девы обучаются этому, и вы, как молодой господин, не исключение. Из-за того, что вы упустили время в детстве, сейчас, когда кости окрепли, вам приходится несладко. Наберитесь терпения, скоро станет легче.

Договорить Гу Сяодуну не дали: учителя навалились сильнее, прогибая его тело в немыслимые стороны. Мальчику показалось, что его разрывают на части. Заливаясь горячими слезами, он потерял всякую способность возмущаться.

Спустя примерно час истязания наконец прекратились. Учителя танцев вместе с Чжу Ми вышли в коридор.

— Управляющий Чжу, у молодого господина несомненный талант к танцам, — доложил один из них. — Его тело на удивление податливо, обычным людям до такой гибкости далеко.

— Вы все в этом уверены?

Учителя согласно кивнули. Чжу Ми не стал расспрашивать дальше, сделав в уме мысленную пометку. Танцы — это искусство услаждения взоров, умение угождать высокопоставленным покровителям. Для Гу Сяодуна это подходило как нельзя лучше.

Он слишком глуп, слишком медлителен. В его годы перенимать манеры и привычки великих кланов уже поздно: ни великим ученым, ни грозным воином ему не стать.

Будь он уродлив и туп, его бы давно списали со счетов, сослав в какое-нибудь отдаленное поместье прозябать до конца дней. Но несмотря на то, что мальчишка рос тощим и замарашкой, черты его лица обещали со временем превратиться в нечто поразительно прекрасное.

Редкая красота — это ценный товар. В имперской столице Чанло полно влиятельных вельмож, не слишком разборчивых в выборе услады для глаз, будь то юноша или дева. Отыскать среди них того, кто польстится на облик Сяодуна и согласится на выгодный для клана Гу союз, не составит труда.

Пристроить его в сытое гнездышко под крыло сильного покровителя — вот та милость, которую чета Князя Чжэньбэя готова была оказать своему нежеланному, застрывшему костью в горле сыну.

Вернувшись в комнату, Чжу Ми застал Гу Сяодуна все так же лежащим на бамбуковой кушетке. Мальчик, хныча и потирая распухший нос и покрасневшие глаза, тихонько постанывал. Управляющий подошел ближе и изложил распорядок на вторую половину дня: после полуденного отдыха господину предстояло обучаться другим изящным искусствам.

Сяодун шмыгнул носом:

— Все что угодно, лишь бы больше не ломали мне кости. Я еще от вчерашней верховой езды не отошел, мышцы ноют, а тут меня едва наизнанку не вывернули. Думал, душа с телом расстанется.

— Вы знатно потрудились, — дежурно обронил Чжу Ми. — Стоит потерпеть один раз, и все наладится. Видите, теперь все позади.

Сяодун состроил жалобную гримасу:

— А мои братья и сестры тоже через это проходили? После всех этих растяжек и вытяжений я еле дышу.

— Вытяжение костей проходят все.

— И танцы тоже?

Чжу Ми мог увиливать от ответов, но лгать мальчику не любил.

— Кроме старшей молодой госпожи, остальные четверо обучались лишь основам, чисто для вида.

В Сяодуне тут же проснулось любопытство:

— Почему так?

Чжу Ми помедлил, его лицо оставалось бесстрастным, словно маска.

— Чему обучаться молодым господам и барышням клана и до каких пределов простираются их познания — это решают исключительно его светлость и супруга.

Ему хотелось бы сказать, что он не знает причин, но это было бы ложью. Старшая молодая госпожа, Гу Жэньли, которой он когда-то прислуживал, была безупречным творением клана Гу, возвращенным для замужества. Изначально ее готовили для императорского двора, но после визита Северных Жун для мирных переговоров выбор пал на нее — она стала идеальной разменной монетой для союза с чужаками.

Чжу Ми ожидал, что любопытный малец продолжит донимать его вопросами, но тот внезапно притих.

— Почему вы молчите? — нарушил тишину управляющий.

— Мне показалось, тебе грустно... — тихо ответил мальчик. — Не хочу беречь твои раны расспросами.

У Чжу Ми по спине пробежал холодок. Лицо его по привычке сохранило каменное выражение,

но в душе закралось смутное беспокойство.

— Вы шутите, молодой господин. Я лишь отвечаю на ваши вопросы. Мне не о чем печалиться.

Сяодун пристально посмотрел на него своими ясными, еще заплаканными глазами. Чжу Ми на миг показалось, будто этот взгляд пронзил его насквозь, выставив напоказ сокровенные обиды. Опасаясь услышать от ребенка какую-нибудь невинную, но ранящую прямо в сердце истину, он поспешно отвел взор и отступил на шаг.

Однако мальчик легко переменял тему:

— Ой, значит, я обознался! Это мне самому тоскливо, потому что все тело ломит так, что хоть караул кричи! Чжу Ми, посмотри, пожалуйста, у меня сухожилия на руках и ногах целы? Сил моих нет, как больно.

Излишняя настороженность управляющего улетучилась. Он привычно принялся успокаивать подопечного. Подойдя ближе, он заметил, что пальцы и колени мальчика мелко дрожат — видать, наставники и впрямь перестарались.

Гу Сяодун продолжал негромко канючить, но больше не плакал — просто ластился, выпрашивая крупицу сочувствия. Чжу Ми этого искренне не понимал: ведь никто в этом огромном поместье, кроме Чжан Дэнцина, не собирался его баловать. Как можно с такой легкостью искать ласки у чужих людей?

Он ведь не знал, что Чжан Дэнцин не сможет оберегать его вечно.

После полудня пришел черед уроков музыки и пения. В игре на цине Сяодун оказался сущим неумехой — его пальцы металась по струнам, словно потревоженные кузнечики на раскаленной сковороде. Однако слух у мальчика был безупречным: уловив напев, он быстро и чисто повторил за учителем несколько старинных баллад.

Музыкант, впрочем, хвалить его не спешил:

— Молодой господин, вам следует сдерживать себя. Прекратите петь с такой радостью. Всякое музыкальное произведение требует своего настроения, а у вас любая песня звучит так, будто вы празднуете великое торжество. Это делает исполнение плоским.

Гу Сяодун со смехом коснулся струн:

— Но ведь в мире столько песен! Почему бы мне просто не петь те, что несут радость?

Мастер недовольно нахмурился:

— В благородных домах Чанло признают лишь два жанра. Первый — воинственные напевы застав, полные трагического величия. Второй — любовные баллады, овеянные светлой грустью. Первые прославляют доблесть, вторые — печаль разлуки. То же веселое зубоскальство, о котором говорите вы, мило сердцу лишь простолюдинам да бродягам с большой дороги. Знатному сословию подобные мотивы не пристали.

Учитель потребовал, чтобы ученик сменил лад и попробовал изобразить либо суровое мужество, либо глубокую скорбь. Но чем сильнее Сяодун пытался притворяться, тем забавнее ему становилось. И пускай в памяти его хранилось немало горьких моментов, стоило ему открыть рот, как его начинал душить внутренний смех. Все его потуги походить на трагического героя оборачивались полным провалом. Голос звенел бесхитростным, безудержным восторгом — тем самым «неотесанным» весельем, которое так порицал наставник. Почему искренняя радость считается признаком дурного тона, мальчик искренне не понимал.

По окончании занятий, шагая обратно к своим покоям, он спросил у сопровождавшего его Чжу Ми:

— Я все равно не понимаю. У каждого ведь есть и радость, и злость, и печаль. Почему господа признают только тоску да войну? Разве радоваться здесь запрещено законом?

— Таковы обычаи, — скупой обронил Чжу Ми. — Со временем поймете.

Гу Сяодун лишь пожал плечами. Едва волоча уставшие ноги после тяжелого дня, он плелся по засыпанной палой листвой дорожке. В лучах заходящего солнца, золотивших пожухлую траву у крыльца, он приметил Чжан Дэнцина. Лицо мальчика мгновенно озарилось счастливой улыбкой, и он со всех ног бросился навстречу названному брату.

Идущий следом Чжу Ми молча наблюдал, как Сяодун без тени смущения бросается в объятия Чжан Дэнцина, ластится и утыкается носом в его плечо, напрочь позабыв о светском приличии и манерах, которые в него вбивали все утро.

Эта его искренняя, неудержимая радость вызвала странное, колючее чувство, очень похожее на зависть.

За ужином, улучив редкие минуты наедине, Гу Сяодун в красках расписал названному брату все прелести утренних истязаний. Чжан Дэнцин выслушал его, заметно помрачнев.

— Что еще за вздорные уроки? Ночью же пойду и все выясню!

От прежней обиды Сяодуна не осталось и следа.

— Ой, братец, да у кого ты собрался выяснять? Не нужно, только хлопот наберешься.

— Не беспокойся, порасспрашиваю здешних слуг. Предоставь это мне, — Дэнцин сочувственно погладил его по спине. — Я тут вчера кое-что разузнал. Дней через десять, в начале восьмого месяца, у твоей второй сестры и у наследного княжича дни рождения. Третьего и четвертого числа.

Гу Сяодун резко выпрямился:

— Поймай, как это? Вторая сестра и третий брат ведь погодки, как их дни рождения оказались так близко?

— Твой третий брат родился раньше срока. Семимесячный он.

Накануне вечером Чжан Дэнцин выведал это у самого Гу Пинханя. Пользуясь тем, что молодому наследнику не терпелось послушать байки о вольной жизни за стенами поместья, Дэнцин умело вытягивал из него крупицу за крупницей сведений. Княжич то охотно отвечал, то вдруг замыкался в себе, застывая безмолвным истуканом.

Сяодун растерянно моргнул:

— Раз у них праздник, нам ведь тоже нужно приготовить какие-то подарки?

Дэнцин пренебрежительно отмахнулся, словно от назойливой мухи:

— Да что у тебя есть дарить? Оставь эти глупости. Я просто предупредил тебя заранее, а там видно будет, как себя вести.

В глазах Сяодуна вспыхнул мечтательный огонек:

— Наверняка в поместье будет шумно и весело, как на Циси или в Праздник Середины года. И матушку я тоже смогу повидать...

Глядя на эту ребяческую, чистую тоску по материнскому теплу, Чжан Дэнцин невольно вспомнил собственную родительницу, сгинувшую в пучине безжалостных клановых войн. Затем его мысли вернулись к Сяодуну. У того матерей было целых две: одна — безумная воспитательница из темного детства, другая — ледяная знатная госпожа, которой до родного сына не было дела. Верно говорят: сирота — что сорная трава у дороги. Дэнцин давно смирился со своей участью, но за Сяодуна, у которого при живой матери сиротская доля была ничуть не слаще, сердце обливало кровью.

Поэтому, когда глухой ночью в дверь тихонько поскреблась служанка наследного княжича Гу

Пинханя, призывая идти за ней, Чжан Дэнцин бесшумно поднялся и последовал в темноту.

Он готов был сделать все, лишь бы заветная мечта его названного брата исполнилась.

<http://bllate.org/book/20609/2119280>